

Свобода информации: чрезвычайное положение

Этой теме в минувшую среду была посвящена очередная дискуссия в Южнокавказском региональном бюро Фонда им. Генриха Белля. С докладом выступили: **профессор Академии экономики и права Вахтанг Хмаладзе, журналист Радио «Свобода» Ия Антадзе и ведущий журналист Общественного телевидения Давид Апрашидзе.** Модератором встречи был журналист **Давид Паичадзе:**

– Я бы очень хотел, чтобы сегодняшняя дискуссия была бы продуктивной для того, чтобы в будущем мы не оказались в такой же безнадежной ситуации, какая сложилась в СМИ на сегодняшний день. Я обещаю предоставить слово всем желающим выступить, только прошу всех соблюдать установленный регламент. Давайте вначале предоставим слово господину Вахтангу. Мы надеемся услышать от него правовую оценку происшедшего, в особенности того, что касается средств массовой информации.

Вахтанг Хмаладзе:

– Спасибо за приглашение. Я уверен, что свобода СМИ является чрезвычайно важной для любого общества. В последние годы мы привыкли к абсолютной свободе слова. Это, конечно, не означает, что журналисты были совершенно свободны, но те или иные медиа-средства могли без всякой цензуры осуществлять свою деятельность. И вот впервые мы оказались в ситуации, когда для медиа-средств были установлены серьезные ограничения. А некоторые из них оказались просто закрытыми.

В праве вопросы медиа рассматриваются в качестве составной части конституционного права. В Конституции установлены нормы свободы мысли, слова, информации и средств массовой информации. Что регулирует свободу информации и действие СМИ? Во-первых, международные соглашения, к которым присоединилась Грузия. Например, Декларация прав человека ООН, Европейская конвенция прав и свобод человека и, наконец, наша Конституция. Давайте вместе заглянем в статью Конституции, в которой говорится о свободе слова и чрезвычайном положении. Статья 24 гласит: «1. Каждый человек вправе свободно получать и распространять информацию, высказывать и распространять свои мнения в устной, письменной или иной форме. 2. Средства массовой информации свободны. Цензура запрещается». Но в четвертом пункте указанной статьи говорится: «Осуществление прав, перечисленных в пунктах 1 и 2 данной статьи, может ограничиваться законом условиями, необходимыми в демократическом обществе для обеспечения государственной или общественной безопасности и т.д.». То есть, в ограничениях указывается в каких случаях они допустимы. Закон указывает и на то, кто имеет право ограничения. В 46-ой статье Конституции говорится о том, в каком случае президент имеет право ограничить действие 24 статьи специальным декретом. Но можно ли декретом

ограничить право, которое не ограничено законом? Декрет имеет силу закона в условиях чрезвычайного положения, но он не является законом. Но кто решает вопрос о том, что положение чрезвычайное? В нашем случае – президент, издающий декрет, утвержденный парламентом. В законе о чрезвычайном положении говорится, что власть имеет право установить следующие ограничения. Далее идет список этих ограничений. Относительно СМИ говорится, что власть имеет право установить контроль над деятельностью СМИ. Там не говорится об ограничении или запрете получения информации. Говорится лишь о контроле. Тем более не говорится о праве закрытия каких-либо медиа-средств. Контроль означает ограничение информации, выходящей в эфир или попадающей на газетные полосы. Исходя из этого, для меня не понятно, на основе чего до объявления чрезвычайного положения были закрыты телеканалы «Кавкасиа» и «Имеди». После издания декрета всем телеканалам, кроме телеканала Общественного вещания, было запрещено как получение, так и распространение информации. Закон о чрезвычайном положении не предполагает такого ограничения. Я уже не говорю о том, насколько существовали конституционные основы для объявления чрезвычайного положения. Я считаю, что власть превысила те полномочия, которые даны ей Конституцией. Под властью я имею в виду как президента, издавшего декрет, так и парламент, который утвердил этот декрет.

Давид Паичадзе:

– Большое спасибо. Предоставим слово следующему докладчику. Прошу вас, Ия.

Ия Антадзе:

– Приветствую всех. Я вижу здесь людей, чье мнение мне гораздо интереснее узнать, чем то, что я буду говорить. На сегодняшний день только один телеканал имеет право принимать и распространять информацию. Это канал Общественного вещания. Насколько он осознает свою ответственность в нынешней ситуации? В связи с телекомпанией «Имеди» у меня есть информация, что этой компании могут навсегда запретить телевещание. Во властных структурах продолжаются дебаты о судьбе этой телекомпании. Власти считают, что есть достаточно правовых оснований для запрещения вещания на этом канале.

Во времена Шеварднадзе владельцы медиа-средств и журналисты составляли одну команду, которая выступала с критикой тогдашних властей. После «революции роз» пирамида как бы перевернулась, поменялись владельцы медиа-средств и новые руководители оказались в одной команде с новым руководством республики. В этих условиях журналист оказался под двойным прессом, как со стороны властей, так и со стороны своих непосредственных хозяев. Так был нарушен баланс. В одни телекомпании стали ходить представители властей, а в другие – представители оппозиции. Но были и такие телекомпании как «Мзе», которые с опозданием на 24 часа поставляли информацию. К услугам этих каналов мало кто обращался. Телеканал Общественного вещания попытался восстановить нарушенный баланс. Здесь устраивались дебаты между представителями противоположных сторон. Это был толчок и для других телеканалов. Так после смены руководства, «Рустави-2» тоже постарался представить сбалансированную информацию. То, что телекомпания «Имеди» не удалось соблюсти баланс между сторонами, объясняется тем, что

представители властей сознательно отказывались от участия в работе этого канала с целью его ослабления. Но и сам канал не очень старался сохранить баланс.

По мнению сотрудников телекомпании «Имеди», погром их студии был обусловлен последними заявлениями медиа-магната Бадри Патаркацишвили. По мнению журналистов, он должен был подумать о судьбе тех, кто оказался заложником в руках властей. По оценкам экспертов, популярность телекомпании «Имеди» была обусловлена не только тем, что в ее передачах можно было узнать о том, о чем умалчивали другие телеканалы, но и тем, что в передачах этого канала могли участвовать представители самых разных социальных слоев. То есть у компании была самая непосредственная связь со своей аудиторией. Это многих подкупало и способствовало повышению рейтинга «Имеди». Поэтому первый вопрос, который мне задают люди, касается сроков открытия этого телеканала. Я этого, конечно, не знаю, но после завершения чрезвычайного положения мы, журналисты, должны сесть и обсудить вопрос о том, как работать в новых условиях. Что мы можем сделать для своей страны в предвыборный период? Насколько мы сможем донести до общества значимость для Грузии предстоящих президентских выборов. Вот то, что я хотела сказать в связи с этим вопросом.

Давид Паичадзе:

– Давайте без комментариев перейдем к нашему следующему докладчику.

Давид Апраксидзе:

– Я постараюсь коротко сформулировать свои соображения для того, чтобы основное время уделить дискуссии. Мы часто оперируем такими понятиями, как демократия, либерализм, свобода, равноправие и т.д. Но события последних дней убедили меня в том, что Грузия не является светочью демократии, и не могла им быть. Я вспомнил статью Фарида Захария о нелиберальной демократии в постсоветских и латиноамериканских странах. Демократия не начинается и не кончается выборами. Но это в равной мере касается как властей, так и оппозиционных партий. Что бы могло произойти в Грузии, если бы бывший министр обороны Ираклий Окруашвили имел бы возраст, позволяющий ему принимать участие в президентских выборах? Я думаю, что у него были бы большие шансы победить на этих выборах.

Комментарий из зала:

– Значит, демократия возможна без либерализма, и плюс отдельные личности опасны для страны. Не следует ли из вашей логики, что демократия нам не нужна?

Давид Апраксидзе:

– Нет, я этого не говорю. Я просто задаюсь вопросом, не приведет ли нас демократия туда, где никто из нас не желал бы оказаться? Все режимы – вспомним Восточную Европу –, которые отказывались от демократии, в конечном счете, плохо заканчивали. Поэтому вопрос не о том, принимать или не принимать демократию. Но мы знаем, что не существует свободы, которую не сопровождает ответственность. Не ограниченная ответственностью свобода может прийти в противоречие с основными ценностями демократии.

Я задавал себе вопрос: как бы я поступил, оказавшись в той же ситуации, в какой оказалась власть после второго ноября? Вот мои три варианта возможного

реагирования: Первый – не стал бы ничего делать для сохранения власти, поскольку власть не является самоцелью, она нужна для определенных целей. Второй – начал бы все менять, чтобы довести до конца процесс реформирования. Третий – начал бы лавировать, то ограничивая, то разрешая свободу. Не знаю, какую из этих стратегий я бы предпочел, но повторяю, что всякой свободе должна сопутствовать ответственность. Мне кажется, проявлением ответственности со стороны властей было назначение досрочных президентских выборов. Но ответственны ли за свои поступки другие политические игроки? Я сомневаюсь. Во всяком случае, мне не приходилось слышать критических оценок представителей оппозиции в свой адрес.

Теперь, что касается наших СМИ. Говорят, что власти не читают грузинскую прессу. Но почему? Потому, что не хотят узнать правду, или потому, что просто наши журналисты критичны в отношении самих себя? Почему в кулуарах наши политики говорят одно, а публично совсем другое? Мне кажется, в этом виновны и наши СМИ, которые должны быть связующим звеном между обществом и политическими объединениями. Если основной функцией СМИ является подача информации, то у меня возникает вопрос, насколько нам это удастся? Порой мы забываем принципы и стремимся к дешевой популярности. Меня часто упрекают за то, что я не задаю скандальные или интригующие вопросы, характерные для желтой прессы. Мне трудно себе представить грузинского политика, который давал бы обоснованный ответ на серьезный вопрос, но еще труднее представить журналиста, который задавал бы такой вопрос. Журналисты ждут своих респондентов таких ответов, которые были бы легко усваиваемые массовой аудиторией. Противостояние между проправительственными и оппозиционными СМИ, я имею в виду «Рустави-2» и «Имеди», привело нас к чрезвычайному положению. Выход мне видится, во-первых, в критическом анализе грузинских СМИ, в осознании того, что СМИ не должны становиться политическими игроками. И, наконец, в повышении уровня профессионализма журналистов. Один из респондентов как-то заявил, что он предпочел бы полуобразованного журналиста, говорящего правду, образованному, говорящему полуправду. Если бы сам этот респондент был бы образован, то он знал бы, что одной правды не существует. Правда у каждого своя. А, кроме того, необразованность ставит под сомнение возможность принятия чужой правды. Необразованный журналист никак не может быть защитником чужой правды, также как и объективным.

Теперь, что касается контроля над медиа-средствами. Если мы сами сможем осуществить такой контроль, то уверяю вас, что Метью Брайзе не придется нам предлагать выборы какого-то генерального совета опекунов, который должен оценивать, насколько сбалансирована передаваемая информация. Давайте мы сами возьмем ответственность за то, что делаем и не дадим политикам возможность манипулировать нами.

Георгий Гвахария, киновед:

– Три месяца назад в Фонде им Генриха Белля мы провели дискуссию, посвященную роли медиа-средств. Тогда в зале присутствовало очень мало людей. Очевидно сегодня другой контекст. Что касается «Имеди», то мне кажется не совсем корректным обсуждение вопроса о том, насколько сбалансированной была подаваемая этим телеканалом информация. То, что широкой общественности больше нравились

передачи этой телекомпании говорит не о ее высоком профессионализме, а о том, что другие телеканалы не смогли предложить своим зрителям ничего лучшего.

Георгий Чхеидзе, Ассоциация молодых юристов Грузии:

– Я согласен с тем, что отсутствие диалога не только с оппозицией, но и с народом привело к тому, что одни телеканалы говорили одно, а другие – другое. Кроме того, я считаю, что в обязанности журналиста должна входить не только передача информации, но и комментарии к ней. Это мое личное мнение. Это будет способствовать формированию каких-то ценностей в нашем обществе.

Давид Паичадзе:

– Эта теория категорически не приемлема хотя бы потому, что она лежала в основе советской журналистики. Журналист должен передавать информацию, а не ценности. Я не думаю, что журналист должен иметь претензию на чье-то воспитание или образование.

Давид Арабидзе, Национальный союз образования:

– В нынешних социально-экономических условиях Грузии не существует независимых СМИ. Транснациональные корпорации делают все возможное, чтобы у нас были как можно более низкие социально-экономические нормативы. Это вынуждает журналистов идти на компромиссы со своей совестью, писать и говорить то, что может обеспечить получение каких-то материальных благ. Канал Общественного вещания наглухо закрыт для тех, кто может сказать что-либо неуютное властям.

Георгий Бурджанадзе, Христианско-демократическое политическое объединение:

– Я не вижу того, чтобы журналисты как-то способствовали формированию правосознания в нашем обществе. Нынешняя власть пришла с насилием и ее приходу способствовали журналисты. Теперь другие журналисты могут помочь другим людям так же с насилием прийти к власти.

Георгий Хуцишвили, директор Международного центра по конфликтам и переговорам:

– Для меня был шоком погром телекомпании «Имеди». Член парламента Майя Надирадзе заявляет, что страна, мол, находится в военном положении. Мы, мол, в таком положении, что не исключено нарушение закона. А между тем мировая пресса ставит под сомнение демократический выбор Грузии. Этого не хотят понять представители власти. Мол, полиция защищала государство от мятежников. Если бы не усилия правоохранительных органов, то произошел бы государственный переворот. Это демагогия, которая далека от реальности.

Ираклий Мачарашвили, НПО Зеленая альтернатива:

– Если чрезвычайное положение касается наших СМИ, то чем объяснить закрытие международного телевидения? То, что у нас нет гражданского общества видно хотя бы из того, что некоторые тележурналисты отказывались освещать экологические проблемы потому, что кто-то в их компании являлся родственником

министра защиты окружающей среды. Кроме того, где были профсоюзы в эти горячие дни? Ведь известно, что главной причиной выхода людей на митинг было тяжелое социально-экономическое положение нашего населения. Но почему профсоюзы молчат, и мы о них узнаем только тогда, когда начинается борьба за власть внутри этого союза?

Гамлет Зукакишвили, «Кавказский дом»:

– По первому каналу демонстрируют разгоны митингов в европейских странах. Но там это происходит, когда митингующие начинают хулиганить и нападать на полицейских. У нас этого не было.

Лела Гаприндашвили, философ:

– Я не думаю, что после «революции роз» на «Рустави-2» появились сбалансированные передачи. Сбалансированных передач не было и нет.

Теперь, что касается отношения власти к народу, который его выбрал. До разгона митинга 7-ого ноября у метро «Руставели» стояли спецназы, и я знала, что они без всякого повода со стороны митингующих начнут разгонять демонстрацию. Я согласна с тем, что в наших СМИ не было серьезного анализа сложившейся в стране политической ситуации, но то, что было предпринято в отношении телекомпании «Имеди» – это грубое нарушение прав человека и свободы слова.

Нино Джапаридзе, журналист:

– Может, настало время для организации пресс-клуба, в котором будут собираться журналисты и обсуждать стоящие перед ними проблемы?

Давид Паичадзе:

– Я готов предоставить вам помещение на факультете журналистики.

Магда Меманишвили, журналист:

– Мы говорим, какую плохую роль сыграла телекомпания «Рустави-2» в 2003 году и какую плохую роль сегодня сыграло «Имеди».

Давид Паичадзе:

– «Рустави-2» тогда повезло.

Гага Нижарадзе, психолог:

– Значит «Имеди» не повезло?

Манана Кочладзе, НПО Зеленая альтернатива:

– Журналисты сами должны решать, где им работать. Пока наши журналисты не научатся говорить о том, что происходит в обществе, а не в партиях и кулуарах власти, ничего не изменится. Кроме того, у нас очень слабые дебаты. Зачастую ни ведущие, ни приглашенные в студию гости не знают того, о чем говорят.

Нино Гуджараидзе, Зеленая альтернатива:

– Я думаю, что журналисты должны проявлять большую солидарность. Сегодня они должны быть едины во мнении, что против «Имеди» было совершено насилие и беззаконие.

Паата Гургенидзе, «Кавказский институт»:

– Согласен с тем, что СМИ должны быть независимыми, но журналистская этика вовсе не обязательная часть свободы слова. Свобода и этика не одно и то же.

По поводу случившегося. В США в открытую говорят, что Грузия изменила тому, что она декларировала. Очень мало осталось до изоляции Грузии и ее попадания в орбиту России. Это может начаться инициированием конфликта в Абхазии.

Гага Нижарадзе:

– Я тоже полагаю, что власть превысила свои полномочия в отношении независимых СМИ. Если чрезвычайное положение продлится до президентских выборов и к власти придет Саакашвили, то мы получим режим Лукашенко.

Ниниа Какабадзе, журналистка:

– Мне кажется, что наступил какой-то переломный этап. Я выступала против революционных призывов на «Имеди». Я не люблю ходить на митинги. Это не цивилизованная форма выражения протеста. Существуют ведь другие способы. Но СМИ должны быть более активными и влиятельными. Мои коллеги из «Имеди» лежали на полу под дулами автоматов и их материли спецназовцы.

Эка Агдгомелашвили, Фонд «Инклюзив»:

– У меня главная претензия к телеканалу Общественного вещания. Это хорошо, что вы живете за наш счет, мы для вас Бадри Патаркацишвили, поэтому у меня больше всего претензий к вам. На вашем телеканале то и дело появляется президент, который говорит не о проблемах, а о фонтанах.

Яго Качкачишвили, социолог:

– Социологические исследования свидетельствуют о том, что «Имеди» опережает все другие каналы. Общественное телевидение имеет всего 2% рейтинга. Но мне не нравится, что наши СМИ как бы сроднились с политической элитой. Это одна семейка. Я против элитизма меди.

Ия Антадзе:

– В каком режиме должны работать журналисты? Мы должны подумать о саморегуляции перед очень ответственными выборами в стране. Но что я могу делать кроме выступлений по радио и ТВ, кроме публикаций в прессе? А ведь большинство людей не имеет и такой возможности самовыражения и участия в общественной жизни.

Георгий Сиамашвили